

“Лекции суперовые! Да и семинары были неплохие... Классический гуманистический подход к обучению... Если тебе это нужно — учи, если нет — твои проблемы, тебя же никто не напрягает, а та оценка, которую ты потом получаешь, как раз и показывает то, насколько ты заинтересован тем, что учишь...”

Вспоминая Владимира Леонидовича, невольно спрашиваем себя, а смогли бы мы, прожив длинную нелегкую жизнь, сохранить откровенность и доброжелательность, готовность по первому зову прийти на помощь, высокий профессиональный уровень, умение и желание вновь и вновь терпеливо отвечать на бесконечные “почему?” каждого нового поколения юных социологов.

А Владимир Леонидович мог...

*Коллеги по кафедре социологии
Национального университета “Киево-Могилянская академия”*

Мой Оссовский

“Луковица памяти”, говорит Гюнтер Грасс, вспоминая свою долгую жизнь и длинную историю. Когда всякий раз подступают слезы, лишь стоит коснуться прозрачных лепестков того времени, которое не вернуть и не изменить. Должно быть, у каждого, перешедшего какие-то рубежи, уже припасен этот сочащийся горьким нектаром плод, вобравший в себя всю нашу сентиментальность и немоту, которые и есть самым первым жестом, обращенным вослед. Но на моем столе в хрупком сосуде какие-то другие диковинные плоды, источающие головокружительный аромат, перехватывающий дыхание, чтобы скрыть их терпкий до левосторонней боли привкус. Как будто незаметно их становится больше и больше, но всегда они будут наперечет. Эти простые вычислительные операции происходят сами собой, по случаю и неизвестно почему, застают врасплох в предназначенных не для того ситуациях, когда вроде бы все, наконец-то, нормально, и безмятежность уже вырисовывается на горизонте. Состояния памяти, что теперь постоянно нас сопровождают.

Об этом я еще ничего не знаю, стоя в коридоре шестого этажа на Кирова, 4 и ожидая Оссовского Владимира Леонидовича, как мне называли его имя. Из открытой двери доносится голос Веры Илларионовны (похоже, она успела меня рассмотреть) с обещанием взять к себе в машбюро, если что. И вот импозантный, со смеющимися глазами и светлеющей рыжей шевелюрой человек вертит в руках, как какую-то непонятную вещь, мой университетский диплом об испанском экзистенциализме. А знакома ли я с кон-

тент-анализом? Да конечно же, не знакома, и если честно, впервые о нем слышу. Спасительная констатация, слава богу, опережает мой испуг: “Ну что ж, Вы нам подходите”. Кто знает, как возникают структуры родства, — из слов, интонации, движений, манеры шутить, из чего-то неведомого, что связывает навсегда. Всего лишь конец октября 75-го, и все впереди. У нас, его первых аспирантов, переполненных праведными и неправедными желанием молодости. И у него, — ведь всего-то середина пути, значит много моложе нас теперешних.

“И вот гостиный дом поповский почти что весь отдали нам. И мы смогли принять двух дам, со вкусом выбранных Оссовским” (надеюсь, Володя Паниотто простит меня за цитирование без спроса, правда, сам недавно вспоминал эти строчки). И тех, и других уже, конечно, больше, получается группа, потом отдел, его отдел, с неповторимой и удивительной атмосферой, как принято вспоминать о днях своей юности, хотя в этом случае характеристики вполне соответствуют истине. Одной из дам Оссовский тут же приносит “Social Research” со статьей про анализ биографий в бизнесе и пару номеров “Kultura i społeczeństwo”. Это было любопытно, непохоже на то, чем мне казалась социология, резонирующая на призывы устрашающих структур и институтов. Здесь немаловажными были люди, то, что они думают о себе и об обществе, как говорят об этом публично. Здесь была лояльность к культуре, к текстам — историческим, художественным, журналистским, которые, как оказалось, тоже можно помыслить социологически. Для Владимира Леонидовича гуманитарный взгляд на совместную жизнь людей всегда был первостепенен, шла ли речь о ценностях трудовой деятельности, престиже профессий или общественном мнении. “Ползучий эмпиризм”, как он нередко именовал свою ориентацию, служил лишь надежным тому прикрытием.

Тщетным было недоумевать, откуда столь поразительная чувствительность к социологии в этом одесском мальчишке, который, конечно же, никуда не делся, превратившись со временем в уравновешенного академического профессора. Наследство ли это порто-франко, фамильное социологическое эхо польских кровей, завидное здравомыслие, способность находить чтение интересным делом, или же это что-то еще, что мне так и не случилось понять. До сих пор восхищает, как им, самым первым, среди которых и он, — Ирине Марковне Поповой, Елене Александровне Якубе, Вилену Филипповичу Ченоволенко, Владимиру Леонидовичу Оссовскому и тем, к сожалению немногим, кто и сегодня в строю, — удалось осуществить этот проект под названием “Украинская социология”, почти авантюрное и небезобидное по тем временам предприятие, и делать ту социологию, по которой мы сейчас тоскуем и которая осталась только в книгах и пересказах. Книги и статьи В.Оссовского принадлежат к разряду хрестоматийных и неизбежно библиографически редких. Читайте их, наши молодые коллеги. Ведь, скажем, интерес к профессиональным идеологиям и качественным методам зафиксирован в них задолго до популярности всевозможных имиджевых исследований. А “воронка опинии”, сконструированная по канонам социологической классики, — пожалуй, одна из ключевых на сегодняшний день моделей, дающих понять, как в обществе возникают настроения и складываются мнения и как следовало бы их изучать.



Душным вечером 3 июня 2010 года Владимира Леонидовича Оссовского не стало. Погребальное цунами этого лета не посчиталось ни с чем, обернувшись неумолимой утратой для тех, кто находился с ним рядом, когда в тесной комнате № 90 по ул. Героев Революции, 4 (ныне — Трехсвятительской) нас воодушевляли общие планы. Дорогой и важный для нас человек, который повлиял на нашу судьбу, предопределив однажды профессиональный выбор. Это ведь только сейчас понятно, как многому он научил, не читая нам курса лекций, как везучим недавним студентам, но постоянно присутствуя в любых наших попытках заниматься социологией, ненавязчиво их корректируя, удерживая деликатную дистанцию и всегда давая возможность двигаться, как нам казалось, самостоятельно. За его категоричным “это твои проблемы” без труда угадывалась маскируемая тревожность по поводу этих самых проблем, и всегда хотелось писать так, чтобы он был за тебя спокоен. Тем, что он делал и как он делал, он прививал вкус к предмету, к хорошему чтению, вводя в обиход новейшее знание, западный опыт в исследованиях культуры, образцы внятного научного высказывания, и, будучи либеральным к интеллектуальным притязаниям других, всегда оставался самым чутким камертоном, безошибочно распознающим и не приемлющим фальши в нашей науке. Потому как, конечно же, был уверен, что “социология — это то, чем занимаются социологи”, и кредо профессии — не пустой разговор. Должно быть, никто иной не сумел бы точнее определить дисциплинарные пределы наших изысканий, демонстрируя то, что называется социологическим подходом. Или уже позже, на ученых советах в Институте социологии давать точные комментарии по существу вопроса, расставляя по местам позиции и оценки, как и подобает мэтру. Делал это легко, казалось бы на минуту оторвавшись от спортивных новостей в лежащей перед ним газете, без какого-либо желания уличать и ставить на вид. Скорее, из той самой любви к искусству, которую ныне считают анахронизмом и не-

позволительной расточительностью личного энергетического ресурса. Это была его привилегия. Он научил понимать, что идеологические императивы — всего лишь обстоятельства, а не условия размышлений об обществе, что профессиональная карьера выстраивается эволюционно, естественным путем, где мнимое или излишнее рвение и неприглядная суетливость едва ли оправданны.

Казалось, он занимался тем, что ему нравится. Но так ли это было во всем?..

Вот он мягко движется нам навстречу с теннисной сумкой и свежими польскими журналами подмышкой. Человек-стиль, не обременявший других вниманием к себе. Обидно, что последнее время мы встречались нечасто, но всегда думалось, что еще обязательно увидимся и поговорим не на бегу. Разве могло быть иначе. Ах, как же он поспешил, как поторопился, должно быть, невероятно устав от неразберихи последних лет. Странно осознавать себя едва ли не самыми старшими теперь свидетелями его жизни, как все это время он был значимым свидетелем нашей. И пока мы еще здесь, будем помнить о нем с бесконечной любовью и признательностью, с грустью отдавая истории дорогие нашему сердцу имена.

НАТАЛИЯ КОСТЕНКО,

доктор социологических наук, заведующая отделом социологии культуры и массовых коммуникаций Института социологии НАН Украины

Не изменяя призванию

...Умер профессор В. Оссовский, стоявший в далекие 1960-е у истоков современной украинской социологии. Его книги по социологии общественного мнения сделали автора классиком при жизни, как поляка Я.Щепаньского, как россиянина В.Ядова... С такими людьми, как Оссовский, окончательно уходит от нас ХХ век. По образованию историк, Владимир Леонидович с молодых лет оттачивал в себе социальную наблюдательность и аналитические способности, позволившие ему стать компетентным знатоком устройства общества. Будучи по сути самоучкой в социологии, вовремя услышав свое призвание, он достиг статуса создателя профессиональной среды, той питательной почвы, на которой взростали последующие поколения ученых. В условиях постоянно действовавшего идеологического пресса в годы, верхоглядно именуемые ныне застойными, Оссовскому удавалось поддерживать высокие стандарты профессионализма и научной этики. В душе он не любил многих партийных начальников, знал им цену как ортодоксам и догматикам, но соблюдал в интересах дела внешнюю сторону тогдашних правил игры. В рамках той системы были “зазоры” и, делая ритуальные ссылки на “вождей”, удавалось заниматься конкретной исследова-